

Ф. НИЦШЕ О ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется попытка Ф. Ницше создания теории «вечного возвращения того же самого», этой «позитивной», по мнению философа, концепции, направленной против господствующих в XIX веке теорий либерального и социалистического развития общества – теорий грядущего, так называемого прогрессивного развития. Являясь своего рода антиутопией, консервативно-традиционалистской формой ответа на вызов времени, концепция «вечного возвращения того же самого» воспринималась философом как «дар», «пророчество» и стала центральной для позднего периода философии Ф. Ницше. Эзотерическая, принципиально не верифицируемая, не демонстрируемая концепция – миф «вечного возвращения того же самого» – имеет два уровня: онтологический, космологический, физикализированный, так и оставшийся в подготовительных материалах, и социально-политический, экзистенциальный уровень, представленный в прижизненных изданиях философа: «Так говорил Заратустра» (1883) и «По ту сторону добра и зла» (1886). Не допуская в своем становлении ни новизны, ни развития, концепция «вечного возвращения того же самого», тем самым провозгласившая вечный «день сурка», тем не менее, противостоит, по крайней мере, в качестве «мыслительного эксперимента», основным морально-этическим ценностям современной философу европейской цивилизации, переинтерпретирует и перефразирует кантовский категорический императив в экзистенциальный закон нового, моделируемого философом, общества грядущей «Великой политики», теории «сверхчеловека», «переоценки ценностей», «нигилизма» и «воли к власти». Теория-миф «вечного возвращения того же самого» имела успех в кризисные годы консервативной революции в Германии 20-30-ых годов XX века, оказала влияние на общественность, мир художественной элиты своего времени.

Ключевые слова: философия, воля к власти, вечность, нигилизм, переоценка ценностей, сверхчеловек, развитие, прогресс, консерватизм, либерализм.

В развитии философии Ф. Ницше 1881 год стал переломным, как отмечает философ в письме Генриху Кезелицу от 14 августа 1881 г.: «На моем горизонте возникают идеи, подобных которым мне еще не приходилось встречать – но мне пока не хотелось бы предавать их огласке, дабы оставаться в непоколебимом душевном спокойствии»¹. Философ был наполнен, как он писал в том же письме: «...новым видением, которое открыто пока только мне одному»². А в Эссе homo в главе, посвященной появлению Заратустры, Ф. Ницше поясняет суть этого «видения», смысл случившегося духовного переворота: «Теперь я расскажу историю Заратустры, основная концепция этого произведения, мысль о вечном возвращении, – эта высшая форма утверждения, которая вообще может

быть достигнута, относится к августу 1881 года»³. В дневниковых записях этого года этот духовный переворот, ставший главной мыслью всего последнего периода (1882-1888), сформулирован как: «...новый центр тяжести, вечное возвращение подобного» в точке, отстоящей от всего мира, окружавшего философа: «Начало августа 1881 года в Сильс-Мария. 6000 футов над морем и гораздо больше над всеми человеческими вещами»⁴.

И все последние годы, оставшиеся до завесы безумия, окончательно отделившей философа от человечества были своеобразной разработкой этого открывшегося видения «вечного возвращения того же самого», вплоть до последних афоризмов незавершенной «Воли к власти». В этом взгляде Ф. Ницше мир впервые предстал в своей новой, еще

¹ Ницше Ф. Письма. М., 2007. С. 169.

² Там же.

³ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2009. С. 251.

⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 458.

невиданной форме, принципиально отличной от всех предшествующих картин не только античного, но и современного философу окружающего мира в форме некоей, законсервированной в пространстве энергии, находящейся в бесконечном процессе своеобразного повтора и вечного возвращения.

Начиналась история, которая, помимо многих вопросов относительно самой «воли к власти», «вечного возвращения того же самого», «переоценки ценностей», «нигилизма» и концепции «сверхчеловека» содержала многие социально-политические экспликации вроде концепции «великой политики» – новой концепции будущего развития общества и человечества в целом в качестве ответов на запросы окружающей философа социальной действительности. Не случайно уже в это время, в 1881 г., Ф. Ницше пророчески прогнозировал само это будущее развитие человечества, прежде всего имея в виду свою концепцию, свое видение вечного возвращения: «Придет время, когда развернется борьба за господство над землей – и вестись она будет от имени философских учений»⁵.

Идея стационарной, герметичной, замкнутой вселенной, предложенная в этой концепции Ф. Ницше, противопоставлялась как идее развития, господствовавшей в XIX в., так и – уж тем более – идее прогресса, социального прогресса как такового – своим крайним консерватизмом, отрицая любого рода социальную мобильность.

Перебирая причины, побудившие его к созданию теории «вечного возвращения того же самого», Ф. Ницше в одном из фрагментов «Воли к власти» пишет: «1) Моя борьба: против упадка и всевозрастающей слабости личности. Я искал нового центра. 2) Познавая неосуществимость этого стремления. 3) Затем Я пошел дальше по пути разложения – в этом нашел я для немногих новые источники силы. Мы должны быть разрушителями! ... Против парализующего ощущения всеобщего разрушения и неоконченности я выдвинул идею вечного возвращения»⁶. В другом месте Ф. Ницше замечает: «Я противоречу духу коммерции, как духу эпохи»⁷. Вместе с тем образ нового мира – мира «вечного возвращения» – создаваемый философом, должен был противостоять как жизнеотрицающему пессимизму широко распространенной в то время

философии А. Шопенгауэра, так и сухой «безжизненной» философии наступающего позитивизма. Прежде всего, это должен быть мир художественный: «Надо понимать основной феномен, именуемый жизнью, – пишет Ф. Ницше, – как феномен художественный – этот созидующий, строящий дух, который строит при самых неблагоприятных обстоятельствах самым долгим способом»⁸. В другом месте, оценивая мир, возникающий из концепции «вечного возвращения», замечает: «Антиметафизическое мирозерцание – да, но артистическое»⁹. Центральное место в этой новой картине мира занимает проблема «времени» – этого «подвижного образа вечности» (Платон), как некоего символа, объединяющего в себе всю глубину взаимоотношений частной, единичной, конкретной жизни и «вечности» – жизни, взятой в ее бесконечных формах и проявлениях.

Вместе с тем концепция «вечного возвращения того же самого» Ф. Ницше содержит в себе в скрытой, латентной форме целый синонимический ряд других мифо-категорий поздней философии, таких как: «воля к власти», «переоценка ценностей», «нигилизм» и, наконец, «сверхчеловек». Как писал М. Хайдеггер, комментируя философию позднего периода Ф. Ницше: «... перечисленные пять основных положений (нигилизм, переоценка всех прежних ценностей, воля к власти, вечное возвращение того же самого, сверхчеловек) показывают метафизику Ницше лишь в одном ракурсе, но тем не менее определяющем целое»¹⁰. И далее, показывая основное сущностное единство этого целого метафизики Ф. Ницше, М. Хайдеггер делает своего рода обратный вывод, подтверждающий процесс, единство, собственно, синонимии как таковую: «Собственно, двигаясь в обратном направлении, можно на основании достаточного понимания природы нигилизма, подготовить почву для познания сущности переоценки, сущности воли к власти, сущности вечного возвращения того же самого и, наконец, – сущности сверхчеловека»¹¹. И чтобы не осталось двусмысленностей, недооценки важности теории «вечного возвращения того же самого» для философии Ф. Ницше, М. Хайдеггер пишет: «Учитывая всяческую неясность и смущение, вызываемое учением

⁵ Там же. С. 505.

⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 240.

⁷ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 505.

⁸ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 547.

⁹ Там же.

¹⁰ Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. СПб, 2007. С. 35.

¹¹ Там же. С. 35.

о вечном возвращении, надо сразу же (причем поначалу лишь в форме утверждения) сказать: учение о возвращении того же самого – это основное учение в философии Ф. Ницше¹².

Концепция «времени» наследуется Ф. Ницше из учения А. Шопенгауэра, который сравнивал «время» с кругом: «Время похоже на прикрепленное колесо – оно вертится с быстротой молнии, не двигаясь с места, и его периферия остается всегда на одинаковом расстоянии от центра»¹³... «Мы мним путем постепенности поймать то, что может быть схвачено только одним взмахом, – путем перехода из времени в вечность, из эмпирического в *высшее сознание*. Мы без передышки бежим по периферии, вместо того, чтобы пробиться к неподвижному центру»¹⁴. При этом А. Шопенгауэр, рассуждая о времени в жизни людей, замечает: «Временное в нас принадлежит времени, должно страдать в нем и пройти: для него нет никакого спасения. Только вечное может спасти себя самоутверждением, – то есть добродетелью. Если же мы отвергаем его, т.е. если мы порочны, то именно потому мы – вполне временные существа и попадаем вполне во власть смерти и зла»¹⁵. Вместе с тем, само это выделенное разделение временного-конечного и вневременного-вечного как разделение на смертное и бессмертное, намеченное А. Шопенгауэром, преодолевается в его учении о «Неразрушимости нашего истинного существа смертью», которое начинается с афоризма, объединяющего пессимизм франкфуртского отшельника и теорию «вечного возвращения» Ф. Ницше. Афоризм – максима философии А. Шопенгауэра – звучит так: «Мы бодрствовали и будем снова бодрствовать, жизнь – это ночь, которую заполняет долгий сон, становящийся иногда гнетущим кошмаром»¹⁶.

Вполне соглашаясь в общей оценке жизни с А. Шопенгауэром, Ф. Ницше к моменту создания теории «вечного возвращения того же самого», казалось бы, распростившийся с брутальным мизантропическим пессимизмом своего философского учителя, все же формулирует утопические механизмы индивидуального бессмертия – вечности, лежащей не в аскезе и квиетиве, как это было у

предшественника, а в механизмах «вечного возвращения» возврата, пусть и мифического, возвращения индивида к жизни, «той же самой жизни», вытекающей из его теории. Хотя сам философ, вполне оставаясь учеником и последователем А. Шопенгауэра даже в годы формирования теории «вечного возвращения» о своем личном, проживаемом им лично, времени писал: «Люблю ли я прошлое? Я отворачиваюсь от него, чтобы жить. Люблю ли я настоящее? Я отворачиваюсь от него, чтобы быть в состоянии жить»¹⁷. Но это – в жизни своей личной, единичной жизни единичного мыслителя, философа-рантье, тогда как в теории «вечного возвращения» основной пафос учения и строится на отказе от временных ограничений, попытке мыслить вечность предлагаемых обстоятельств и жизненных отношений, не случайно теория называется «вечное возвращение того же самого». «Наложим отпечаток вечности, – пишет Ф. Ницше, – на нашу жизнь. В этой мысли больше содержания, чем во всех религиях, презирающих эту жизнь, как проходящую, и поучающих устремлять свои взоры к некоей другой, неопределенной жизни»¹⁸. Экстатическое переживание, ощущение чуда, пришествие концепции «вечного возвращения, случившееся в начале 1881 года на берегу озера Сильваплан, инспирированность концепции, заставляет философа подвергнуть своеобразной ревизии все основные мировоззренческие установки, разделяемые до этого большинством.

Основная моральная максима, сформулированная И. Кантом в категорический императив, с позиции теории «вечного возвращения» интерпретируется в своего рода экзистенциальный императив, гласящий: «Не обращать свои взоры к далеким неизвестным блаженствам и милованиям, а жить так, чтобы захотелось прожить еще одну жизнь и жить так вечно»¹⁹. Отнесенная христианством «жизнь вечная», потусторонняя, заслуженная только праведниками и святыми, жизнь вечная как недостижимый идеал, поствременное и постжизненное, возможное упование и безнадежная мечта в этом переворачивании «вечного возвращения того же самого», становится, по крайней мере, так предполагает философ, достижимой, более того, единственно реальной повторяющейся

¹² Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб, 2006. С. 223.

¹³ Шопенгауэр А. Собр. соч. Т. 6. М., 2011. С. 116.

¹⁴ Там же. С. 115.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Ницше Ф. Злая мудрость. М., 1993. С. 238.

¹⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 446.

¹⁹ Там же. С. 466.

и вечно возвращающейся жизнью. Жизнь, вытекающая из учения «о вечном возвращении того же самого» требует предельно активного интенсивного изживания себя, при котором само повторение ее не только достижимо, но и единственно реально, возможно, при соблюдении, по мнению Ф. Ницше, некоторых методологических правил, первое из которых гласит: «Смотри на мир, словно вне времени, и все кривое станет прямым»²⁰. Вновь обретенная невинность бытия, безгрешное существование индивида, взгляд на мир «вне времени» мгновенно ставит перед ним и второе правило, вторую задачу, которую философ формулирует следующим образом: «Для нас теперь важно стремиться видеть во всем становлении, отрицать в себе индивидуума, смотреть на мир как можно большим числом глаз, жить инстинктами и занятиями, чтобы тем самым иметь возможность видеть, временами предаваться жизни, чтобы затем отдыхать, смотря на нее, поддерживать инстинкты как рудимент любого познания, но понимать, где они становятся его противниками!». И далее следует из этих правил при правильном их соблюдении: «Этот кусок человеческой истории должен и будет вечно повторяться. Это мы должны скинуть со счетов, здесь мы не в силах повлиять – пусть даже это обременит наше чувство сострадания и восстановит нас против жизни»²¹.

Этот апофеоз жизни в ее вечном повторении того же самого, само познание так протекающей жизни становится парадоксальным воспроизведением платоновского знания как припоминания, но только знания, протекающего на уровне инстинкта, механистического автоматизма, о достижении которого мечтает философ. Не случайно в незавершенной «Воле к власти» имеется заметка, которая фиксирует: «Два самых радикальных способа мышления – механистический и платоновский сходятся в вечном возвращении: оба как идеалы»²². Такой подход, когда знание становится инстинктом, действующим наподобие автоматизма, соответствует стремлению философа своеобразно вернуть былую человеческую невинность самому действию, сделав его как бы природным, внерациональным, существующим вне сознания. Как пишет Ф. Ницше в период формирования концепции вечного воз-

ращения: «Моя задача расчеловечить природу и оприродить человека, после того как он осознает чистое понятие природа»²³. «Расчеловечить природу» по Ф. Ницше означает отказ от приписывания природным явлениям таких сугубо антропоцентрических понятий, как стремление к целям: эстетического, либо этического порядка. «Остережемся полагать, – пишет философ, – что во вселенной заложена тенденция к достижению определенных форм. Стремление стать прекрасней, совершенней и сложнее. Это очеловечивание»²⁴. В свою очередь «оприродить» человека означает по Ницше: «...готовность к совершенно неожиданным и перечеркивающим все событиям»²⁵. По сути проблемы, поставленной философом, «теория вечного возвращения того же самого» помимо общих предпосылок «оприродить» и «очеловечить» «...мысль о вечном возвращении, эта высшая форма утверждения, которая вообще может быть достигнута»²⁶ нуждается в своей научной верификации и демонстрации, аргументации, обосновывающей не только возможность, но и необходимость этой «... самой научной из всех возможных гипотез»²⁷ без этого, остающегося абсурдным, предположения новым физикализированным мифом и вообще, чем угодно.

Не случайно Ф. Ницше составляет бесчисленные физикализированные схемы, что особенно хорошо просматривается в подготовительных материалах, возможности самой гипотезы, «видения», но так и не решается их опубликовать в прижизненных изданиях своих произведений, тем не менее, делая своеобразные желательные социально-политические выводы из самой недоказанной гипотезы. Ф. Ницше использует в качестве доказательства, в сущности, весьма ограниченный ряд аргументов в пользу этой так называемой гипотезы: мир, вселенная ограничена в пространстве, существует ограниченный набор энергии, бесконечное, но не безграничное сочетание которых, в особенности – времени, необходимо перерождает повторы сочетаний, комбинации самих энергий, порождая повторение уже бывшего сочетания, повтор и т.д. почти полностью в духе «энергетизма» В. Оствальда. Бесконечный круговорот конечных

²⁰ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 2010. С. 184.

²¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 459.

²² Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 554.

²³ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 486.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 490.

²⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2009. С. 251.

²⁷ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 56

энергий, состояний, качеств в замкнутом пространстве вселенского калейдоскопа. «Величина силы Вселенной определена, а не бесконечна, – пишет Ф. Ницше, – не стоит искажать понятие. Следовательно, число состояний изменений, комбинаций и путей развития силы хоть и необычно велико и практически неизмеримо, но все равно определено и не бесконечно. Но время, в которое Вселенная задействует свою силу бесконечно, т.е. сила вечно одинакова и вечно деятельна: настоящему мгновению предшествовала вечность. Т.е. всякое возможное развития уже имело место раньше»²⁸. Кантовско-лапласовский детерминизм, лежащий в основе подобной схемы механического развития, повтора, при условии замкнутого сферического пространства, ограниченного набора составляющих энергий и бесконечное время – это столь же темпоральная модель вселенной конца XIX века, ничего общего не имеющая с современными представлениями о космологии – умозрительный псевдонаучный эксперимент, имеющий, однако, весьма далеко идущие социально-политические выводы, над которыми работал философ в поздний период.

Создавая модель стационарной вселенной, имеющей динамичный характер, Ф. Ницше и само развитие, становление стремится переосмыслить почти в духе древнегреческих «текущих» философов, в духе своеобразного гераклитизма с одной, но весьма существенной особенностью – само движение тоже является поступательно-возвратным, движением на месте: «Я учу Вас, – писал Ф. Ницше, – освобождению от вечного потока: поток вновь и вновь возвращается в самого себя, а вы вновь и вновь входите в тот же поток, оставаясь теми же»²⁹. И что чрезвычайно важно – «вечно возвращается» не то, что «новое», «иное», но «то же самое», «тоже» до мельчайших подробностей, подобное тому, как если бы кто-то, потеряв кратковременно сознание, вновь обретал бы ясный взгляд на окружающую действительность. Как известно, отец философа, младший брат, в скрытой, латентной форме и сам Ф. Ницше страдали известной еще с древнейших времен «священной болезнью» эпилепсией с припадками и предшествующей им аурой. У философа болезнь протекала в виде приступов «гемикрании» – мигрени, длящейся неделями, периодически возвращающейся на протяжении всей его сознатель-

ной жизни. Вечно возвращающиеся приступы болезни с их «изменениями» и вновь «обретениями» окружающей действительности – все той же действительности – серьезный психологический, физиологический фактор, лежащий в основании таких своеобразных гипотез, как гипотеза о «вечном возвращении того же самого». Необходимо было каждый раз после «приступа» заново, вновь упорядочивать, реконструировать окружающий мир в его формах и отношениях, необходимо было консервировать сами явления и отношения внешнего мира – необходимо было сделать их вечными.

Вместе с тем, свои попытки «физикализации» гипотезы о «вечном возвращении того же самого» Ф. Ницше стремится обосновать на «законах» природы, открытых в середине XIX века и, в частности, на законе сохранения и превращения энергии, открытым Р. Майером. «Принцип существования энергий, – пишет Ф. Ницше, – требует вечного возвращения»³⁰. И в целом оценивая тот новый экспериментальный тип философии, который формулирует Ф. Ницше, основной пафос ее устремлений, философ пишет: « Она хочет вечного круговорота все тех же вещей, той же логики и нелогичных узлов и хитросплетений»³¹. Философа не устраивает собственно «научный» способ измерения временными достижениями «вечности», рисуемой гипотезой «вечного возвращения того же самого». С гораздо большей охотой философ прибегает для обоснования своей гипотезы к аргументам, скорее напоминающим моральную проповедь, предсказание, пророчество своей риторикой имитирующей религиозную реформаторскую проповедь, в основе которой, как отмечает философ, лежит: «...страстное желание пережить все еще раз и бесконечное множество раз»³².

Предельный консерватизм этой исходной, первичной установки мышления философа проявляется еще и в том, что, осознавая свое противостояние духу времени, времени XIX века с его теориями развития, в том числе и развития прогрессивного, противопоставляющего новое время времени «старому», казалось бы, уже отжившему, ушедшему в прошлое. Ф. Ницше в этой формулируемой гипотезе времени практически исключил и само время, а уж тем более развитие, хотя бы и

²⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 484-485.

²⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 2010. С. 174.

³⁰ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 555.

³¹ Там же. С. 345.

³² Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 482.

прогрессивное. Вечное повторение того же самого – это, прежде всего, возврат того же самого, а не образование чего-то нового, иного, не создание из имеющегося в наличии чего-то небывалого прежде. Именно в этом квинтэссенция, «соль» возвращения, вечность этого возвращения как такового. «Как можно придавать значение ближнему, мелкому, мимолетному, – риторически спрашивает Ф. Ницше, и сам себе отвечает: «А) Если увидеть в этом корень привычек; Б) Если понять, что оно вечно и обуславливает вечное»³³.

Создавая свою модель «вечной» стационарно замкнутой сферической вселенной, Ф. Ницше так формулирует основной экзистенциальный смысл концепции: «Продумаем эту мысль в самой страшной ее форме – жизнь, как она есть, без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного «ничто» – вечный возврат. Это самая крайняя форма нигилизма: «ничто» (бессмысленное) – вечно»³⁴. В гипотезе «вечного возвращения того же самого» и временное конкретное бытие становится бытием вневременным, вечно повторяющимся, становится, по метафоре, подаренной Платоном, подвижным образом вечности, и каждое «мгновение» так понимаемой вечности самооткровенна, каждая часть выражает целое и, собственно, и является этим целым, в котором мгновение и вечность совпадают до неразличимости.

И если это – мистика, а очевидно, что это нечто сходное с восприятием природы У. Блейка («В одном мгновенье видеть вечность») средневековых мистиков, говорящих о *Nunc Stans* – «вечно длящемуся настоящем», то из него следуют весьма парадоксальные по своей брутальности социально-политические выводы: теория «вечного возвращения того же самого» в концепции экспериментальной философии, разрабатываемой философом в поздний период творчества, становится своеобразным «сепаратором», своеобразно выполняющим заветы нового пророка, нового, становящегося дионисийского мира. Признание, либо отрицание теории «вечного возвращения того же самого» станет критерием жизнеспособности, витальности того или иного народа, того или иного индивида, и не больше, и не меньше. Так считает уже не Заратустра – пророк нового учения, а сам Ф. Ницше – создатель и demiurge нового мира, вы-

текающего из «вечного возвращения», «воли к власти» и «переоценки ценностей», предлагаемых его философией. «Мое учение гласит, – пишет Ф. Ницше, – жить так, чтобы обязательно испытывать желания, задача вновь обрести жизнь, это свершится в любом случае. Кому больше всего по душе стремление, тот да стремится, кому покой, тот да покоится, кому упорядоченность, подчинение и покорность, тот да покоряется»³⁵. Казалось бы, нечто вроде «метампсихоза» древних индусов с учением о будущих перерождениях и карме, которую испытывает живущий индивид. Однако так, да не так, поскольку не верящий в гипотезу о «вечном возвращении того же самого» исключается из круговорота перерождений, гибнет или обрекает себя на будущую гибель. Так, говоря об идее «вечного возвращения», Ф. Ницше пишет: Это великая культивирующая мысль: расы, не способные ее вынести, обречены; те же, которые воспримут ее как величайшее благодеяние, избраны для господства»³⁶. Не случайно в другом афоризме из этого времени Ницше пишет: «Мысль о вечном возвращении как избирательный принцип, на службе силы (и варварства)»³⁷.

Теория «вечного возвращения того же самого» для философа становится эффективным орудием консервативного ренессанса, формой переоценки ценностей либеральной культуры европейской цивилизации в конце XIX века. Все проявления социального согласия, демократических установлений, даже в тех ослабленных формах, которые допускала «реал-политика» бисмарковской Германии подвергаются Ф. Ницше серьезной критике с позиций некоего будущего, в котором реализована теория «вечного возвращения того же самого». Сами политические рекомендации правящей верхушке даются философом из не так уж далеко отстоящего будущего. «История будущего, – пишет Ф. Ницше, – все чаще будет побеждать – эта мысль – и не верящие в нее, в конечном счете, обречены по природе своей на вымирание. Останутся лишь те, кто признает за своим бытием способность к вечному повторению...»³⁸. Более того, для подготовки этого «будущего» необходимо, считает философ: «...учение достаточно сильное, чтобы действовать

³³ Там же. С. 468.

³⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 56.

³⁵ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 468.

³⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 552.

³⁷ Там же. С. 553.

³⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013. С. 529.

как средство отбора: укрепляя крепких, расслабляя, парализуя, ломая тех, кто утомлен жизнью. Уничтожение опустившихся рас. Упадок Европы. – Уничтожение рабских ценностей. Господство над всей Землей как средство зачинания нового типа...»³⁹. И это уже своеобразный переход от казалось бы абстрактной, далекой от реальности теории взаимоотношений «времени и вечности», проблема, если можно так выразиться, онтологическая, к социально-политической проблематике «переоценки ценностей», «нигилизму», проблеме «сверхчеловека» и, в конечном итоге, к проблеме «воли к власти», как того субстрата, который, собственно, и испытывает «вечное возвращение того же самого». Ф. Ницше тщательно подыскивает те государства, в которых была реализована теория «вечного возвращения того же самого» в длительной исторической перспективе – в сравнительно длительной перспективе, имитирующей вечность. И это, прежде всего, Спарта, древняя Индия времени действия законов царя Ману и, как ему казалось в то время, Россия.

Противопоставляя демократическим Афинам консервативную Спарту в «Рождении трагедии». Ф. Ницше писал, раскрывая истоки незыблемости, вечности государственного устройства дорического государства: «Я именно и могу только объяснить себе дорическое государство и дорическое искусство как постоянный воинский стан апологического начала: лишь в непрерывном противодействии титанически-варварской сущности дионисийского начала могли столь долго продержаться такое упорно-неподатливое, со всех сторон огражденное и укрепленное искусство, такое воинское и суровое воспитание, такая жестокая и беспощадная государственность»⁴⁰. Насилие, внешний закон, лежащий в основе аполлонического начала Спарты, железной уздой удерживало государство в его противостоянии быстротекущему времени, не случайно Ф. Ницше нанизывает к образу Спарты эпитеты: «воинское», «суровое», «жестокая и беспощадная государственность», – тогда как в отличие от 1871 года, когда писалась первая книга философа «Рождение трагедии из духа музыки», в 1888 году философ привлекает другие социальные механизмы охранительного порядка, которые, по его мнению, выработала древняя Индия в сво-

их «законах Ману», в своем противостоянии бегу времени и внешним угрозам. Как пишет Ф. Ницше: «Всему этому противопоставляется двойная стена: во-первых, откровение, т.е. утверждение, что разум тех законов не человеческого происхождения, что он не есть результат медленного изыскания, сопровождаемого ошибками, но. Как имеющий божественное происхождение, он был только сообщен уже в совершенном виде, без истории, как дар, как чудо... Во-вторых, традиция, т.е. утверждение, что закон уже с древнейших времен существовал, что сомневаться в этом было бы нечестиво и преступно по отношению к предкам»⁴¹.

И здесь намечается переход от «откровения» и «традиции», как наиболее древних механизмов сохранения, охранения порядка государственной жизни, к механизмам, ранее отмеченных нами: сведении всякой деятельности к деятельности вне разумной, деятельности машинальной, проходящей на уровне инстинкта. «Высший разум подобного процесса (традиция и откровение – А.М.) заключается в намерении, – пишет Ф. Ницше, – оттеснить шаг за шагом сознание от жизни, признаваемой за правильную (т.е. доказанную огромным и тонко просеянным опытом), чтобы достигнуть, таким образом, полного автоматизма инстинкта, – это предпосылки к всякого рода совершенству в искусстве жизни»⁴². «Традиция, «откровение», полный автоматизм «инстинктуализации жизни» – вот механизмы, которые использовали древние государство во исполнение законов вечности, «вечного возвращения того же самого», которые утратила Европа в процессе своего почти двух с половиной тысячелетнего исторического развития и перехода к особо выделяемой Ф. Ницше «современности», критике которой философ посвятил не только свою символическую поэму «Так говорил Заратустра», но и последующие произведения позднего периода.

Выступая с позиции консервативного традиционализма «вечного возвращения того же самого» воплощением которого в личной, экзистенциалистской вариации выступило для философа древнегреческое учение «amor fati». Ф. Ницше последовательно выступал с критикой всей просвещенческой философии XVII-XVIII вв., крайней формой реализации которых явились: великая французская революция XVIII века, Парижская

³⁹ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 472.

⁴⁰ Ницше Ф. Соч. В 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 71.

⁴¹ Ницше. Ф. Соч. В 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 684.

⁴² Там же. С. 684-685.

коммуна 1871 г., – историческим свидетелем которой ему довелось стать в самом начале своей философской деятельности. Другим, но весьма важным следствием просвещенческой философии, Ф. Ницше считал разгул в современной ему действительности социалистических и националистических идей, охвативших Европу после наполеоновских войн. И больше всего не устраивает философа «вечного возвращения того же самого» в механизмах сохранения вечности древних государств именно эти черты: инстинктуальная жизнь, доведенная до машинерии автоматического бездумного проживания жизни (своеобразного варианта все того же «*amor fati*»), к которому склоняется философ, но в данной ему современной действительности подвергается им суровой критике: «Пусть называют то, в чем нынче ищут, отличительную черту европейцев «цивилизацией» или «гуманизацией» или «прогрессом», пусть называют, что это просто без похвалы и порицания политической формулой – демократическое движение Европы: за всеми моральными и политическими рамками, на которые указывают эти формулы, совершается чудовищный физиологический процесс, развивающийся все более и более, – процесс взаимоуподобления европейцев...»⁴³.

Как известно, работа Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (1886) является своеобразным комментарием вышедшей ранее символической поэмы «Так говорил Заратустра» (1883), в которой проблема гомогенизации человечества принимает форму проблемы нищевской антропологии, различающей «высших» и «низших» людей, «последних людей», противостоящих «сверхчеловеку», предлагаемому философом в качестве своеобразной замены «умершему богу». Философ в своей символической поэме «Так говорил Заратустра» создает целую мистерию «приобщения» человечества, в том числе и отвергаемых им «последних людей» к идее «вечного возвращения того же самого», несмотря на всю эзотеричность и аристократический пафос учения. Неслучайно уже первые главы символической поэмы содержат противопоставление концепции «сверхчеловека», предлагаемого философом, и концепции «последнего человека» которого, по замыслу теории «вечного возвращения того же самого» необходимо было как-то приобщить и, более того, включить в развитие. Образ последнего человека рисуется философом как сво-

его рода мрачная антиутопия будущего социального развития человечества, как желаемый идеал не только либеральной идеологии, но и как, главным образом, идеал социалистической, лежащей в конце «свершения времен» – в коммунизме. «Земля стала маленькой, – рисует символический образ Ф. Ницше, – и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. Мы нашли счастье – говорят последние люди и моргают... не будет больше ни бедных, ни богатых, то и другое слишком обременительно. Кто захотел бы еще управлять? Кто – еще повиноваться? То и другое слишком обременительно. Нет пастуха и одно стадо. Каждый желает того же, все равны; кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом»⁴⁴. Разумеется, это мрачный образ будущего социального развития: гомогенизации и уравнилельно-усредняющих тенденций. И тем не менее Ф. Ницше все же решается включить этих последних людей с их найденным счастьем и людей «высших», являющихся предвосхищением и предтечами будущего «сверхчеловека» в общее течение «вечного возвращения того же самого».

Неслучайно, та часть символической поэмы, которая предназначается «для всех», т.е. третья часть, в которой уже после долгих приключений Заратустры все же состоялась презентация концепции «вечного возвращения того же самого», кончается главой, символически ставящей семь печатей, в которых благословляется не только и не столько современность, отвергаемая прежде философом, но и вечность самой этой жизни во всей ее полноте и завершенности, включающей в себя не только логику, но и все нелогичные заключения окружающей философа действительности. «Никогда еще не встречал я, – восклицает Заратустра как полноценный представитель самого Ф. Ницше, – женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, Вечность!»⁴⁵. И окончательное примирение философ высказывает в четвертой части символической поэмы, части, предназначенной узкому, избранному кругу наиболее доверенных друзей Заратустры и, следовательно, самого Ф. Ницше, примирение с вечностью в форме полного растворения в ней без остатка – «*amor fati*». «Совре-

⁴³ Там же. С. 361.

⁴⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 2007. С. 18.

⁴⁵ Там же. С. 233.

менность», воспринимаемая философом как «... час великого восстания черни и рабов, восстания гибельного, долгого и медленного: оно все растет и растет»⁴⁶, – не оставляет надежд на скорое пришествие «сверхчеловека», ожидаемое и провозглашенное в конце третьей части символической поэмы, поскольку все общество, вся его внутренняя структура воспринимается философом по формуле: «Чернь сверху, чернь снизу»⁴⁷. И весь паноптикум символических фигур и геральдических зверей (орел, змея, лев) может быть в общем «реве» и дающих «отзвук сверхчеловека», на который так спешил Заратустра, завершает признанием того, что современность не оправдала ожиданий философа, даже в ее «высших людях», и единственно, что не подвело его – се та же «вечность» – «вечное возвращение того же самого» в его крайней форме примирения: *amorī fati* самого философа.

Подготовительные материалы к символической поэме рисуют многие сценарии и интерпретации успешного завершения символической поэмы, хотя следует отметить, что дело сделано в той форме, в которой оно застыло в истории. «Все идет и проходит, – пишет в подготовительных материалах Ф. Ницше (осень 1883), – и все возвращается – само это прохождение возвращается. Это теперь уже было бесчисленное количество раз»⁴⁸. Очевидно, что не следует на основании учения «вечного возвращения того же самого» делать выводы о «мистицизме» и «безумии» философа, скорее – это уж «цинизм» и иронический сарказм, поскольку сам философ трезво оценивал как саму теорию особенно способы ее физикалистского доказывания, так и оставшиеся неопубликованными, при всем обилии различных вариантов «научного» обоснования, так и социально-политические выводы из нее, резко порывающие с господствующей в XIX веке либерально-просветительской традицией, с утопиями социалистического и демократического направления будущего социального развития. Оценивая господствовавшие в XIX веке теории прогрессивного либерального развития, социалистические планы будущего социального движения, философ писал: «Все прошедшее – это текст с сотнями смыслов и толкований, – и поистине один путь к множеству будущих! Но кто придает будущему только один

смысл, тот определяет также и одно толкование прошедшего»⁴⁹.

Себе же Ф. Ницше оставлял другой вариант исторического прочтения: «На место основных истин я ставлю основные вероятности – предварительно принятые направляющие принципы, согласно которым можно жить и мыслить»⁵⁰. Это перспективное прочтение действительности по принципам, по которым можно «жить и мыслить», придает интерпретации отнюдь не метафизический вид, как это может показаться на первый взгляд, а некий условно сослагательный, регулятивный характер, некое правило восприятия и интерпретирования. Формулируемая Ф. Ницше концепция: миф «вечного возвращения того же самого» – в современных, навеянных христианством оценках действительности усматривает основной источник гибели и разложения цивилизации и восприятия самой окружающей действительности. Утверждаемая им сакрализация жизни противостоит нигилистическому обесцениванию становления жизни, самой жизни, в ее наимельчайших проявлениях. Жизнь становится не тривиальным и случайным повторением уже найденного, прошлого, «вечного» вчера, а эстетическим ритуалом, неиссякаемой традицией приобщения к жизни, воспроизведения ее во всей полноте и многоцветности, во всем ее пантеистическом многообразии, стоящим по ту сторону от добра и зла христианских заповедей. Жизнь становится выше, ценнее ее возможного смысла, допускает огромное неисчерпаемое многообразие всевозможных интерпретаций, те не менее, остается все такой же непознанной и неисчерпанной многими поколениями комментаторов, различного рода ученых и экспериментаторов.

«Жизнь» в этой концепции перестает быть предметом торга, имея абсолютную ценность, не зависящую от складывающейся конъюнктуры и рыночного курса, имея не только пограничный относительный, но уникальный трансцендентно-трансцендентальный, только ей одной присущий, характер сакрально неповторимого каждый раз действия. И, тем не менее, солнце всходит, и каждый раз это величаво, всюду, сразу и в полную силу. Эстетизация и сакрализация каждого проживаемого момента времени, каждого, даже самого малого, явления по отношению к человеку оборачивается

⁴⁶ Там же. С. 271.

⁴⁷ Там же. С. 272.

⁴⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 2010. С. 482.

⁴⁹ Там же. С. 529.

⁵⁰ Там же. С. 547.

максимальной полнотой проживания каждого момента жизни в соответствии с экзистенциальным императивом от Заратустры: «...жить, чтобы хотелось жить и еще раз жить». И это все, что хотел сказать Заратустра, с которым сам Ф. Ницше расстался в четвертой части своей символической поэмы: гости собрались, речи сказаны, но «сверхчеловек» не появился. Один из многих вариантов завершения поэмы Ф. Ницше намечает после ухода гостей. Заратустра протягивает руку к змее: «Что посоветует мне моя мудрость? – и она кусает его. Орел рвет ее на куски. Лев бросается на орла. Увидев битву своих зверей, Заратустра умирает»⁵¹.

И то, что началось, как средневековая трагедия с калейдоскопом речей, людей и положений, с геральдическими зверями, кончается как некий средневековый фарс и бутафория, паноптикум персонажей и картонных мечей. Однако, в свете гипотезы о «вечном возвращении того же самого», предлагаемой Ф. Ницше, мир, жизнь перестали быть местом печали. А индивид – «это не только длящийся след совокупления»⁵² А. Шопенгауэра, но некий «мост» и «переход», некое обещание продолжения в «сверхчеловеке».

И, завершая этот несколько беглый анализ концепции «вечного возвращения того же самого», отметим, что во многом поэтическая, романтическая, консервативно-традиционалистская теория, миф, создаваемый Ф. Ницше, не смотря на полную недоказуемость, неverifiedируемость основных «научных» постулатов, лежащих в ее основании, в ее космологической части, тем не менее оказала влияние на художественную, прежде всего, а затем уж социально-политическую культуру Германии начала XIX века. Феномен «консервативной ре-

волюции» в Германии в 20-30-ые гг. имел бы другую окраску, форму и другой содержание без этой поздней концепции Ф. Ницше. Само национал-социалистическое движение Германии многими его теоретиками воспринимается как возвращение некоего первичного примордиального идеала, вытесненного некогда иудео-христианским развитием европейской цивилизации. Возникая как консервативный ответ на XIX век – век создания основных классических идеологий: либеральной, социалистической, консервативной в условиях национально-освободительных войн и буржуазных революций конца XVIII и середины XIX в., Парижской коммуны, историческим свидетелем которой являлся философ, теория «вечного возвращения того же самого» сформулировала по-своему динамическую концепцию, эффективно противостоящую как теория прогресса, либерального социалистического развития будущего социального общества; стала своего рода антиутопической утопией, постмодернистским мифом, выступающим против модернистских тенденций современного ему мира. Характерно, что принятие этой концепции или отказ от признания ее комментаторами модернистского, либо постмодернистского типа показывает политическую ориентацию самих интерпретаторов, их политическую ангажированность, но никак не сказывается на самой теории «вечного возвращения того же самого», не позволяет ее монополизировать, сделать ее своим партийным достоянием. Как пишет Ф. Ницше: «Поскольку вообще слово познание имеет смысл, мир познаваем, но он может быть истолковываем и на иной лад, он не имеет какого-нибудь одного смысла, но бесчисленные смыслы. Перспективизм»⁵³.

Список литературы:

1. Левит К. От Гегеля к Ницше. СПб., 2002.
2. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
3. Мочкин А.Н. От идеи социально-исторического развития к циклической мифологии. (Критика буржуазных интерпретаций общественного развития). М., 1984.
4. Мочкин А.Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999.
5. Мочкин А.Н. Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма. М., 2002.
6. Мочкин А.Н. Ф. Ницше. Интеллектуальная биография. М., 2005.
7. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.
8. Ницше Ф. Злая мудрость. М., 1993.
9. Ницше Ф. Письма. М., 2007.
10. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 2010.
11. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 2007.

⁵¹ Там же. С. 434.

⁵² Шопенгауэр А. Собр. соч. Т. 6. М., 2011. С. 142.

⁵³ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 281.

12. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 2009.
13. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 2013.
14. Ницше Ф. Соч. В 2-х тт. М., 1990.
15. Хайдеггер М. Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении. Вечное возвращение равного. М., 1995.
16. Хайдеггер М. Ницше. В 2-х тт. СПб., 2006.
17. Шопенгауэр А. Собр. соч. Т. 6. М., 2011.
18. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.
19. Lowith K. Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkehr des Gleichen. Hamburg, 1978.
20. Schlechta Nietzsches grosser Mittag. Fr./M., 1954.

References (transliteration):

1. Levit K. Ot Gegelya k Nitsche. SPb., 2002.
2. Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii. M., 1977.
3. Mochkin A.N. Ot idei sotsial'no-istoricheskogo razvitiya k tsiklicheskoj mifologii. (Kritika burzhuaznykh interpretatsii obshchestvennogo razvitiya). M., 1984.
4. Mochkin A.N. Paradoksy neokonservatizma. M., 1999.
5. Mochkin A.N. Rozhdenie «zvera iz bezdny» neokonservatizma. M., 2002.
6. Mochkin A.N. F. Nitsche. Intellektual'naya biografiya. M., 2005.
7. Nitsche F. Volya k vlasti. M., 2005.
8. Nitsche F. Zlaya mudrost'. M., 1993.
9. Nitsche F. Pis'ma. M., 2007.
10. Nitsche F. Poln. sobr. soch. T. 10. M., 2010.
11. Nitsche F. Poln. sobr. soch. T. 4. M., 2007.
12. Nitsche F. Poln. sobr. soch. T. 6. M., 2009.
13. Nitsche F. Poln. sobr. soch. T. 9. M., 2013.
14. Nitsche F. Soch. V 2-kh tt. M., 1990.
15. Khaidegger M. Metafizicheskaya kontseptsiya Nitsche i ee rol' v evropeiskom myshlenii. Vechnoe vozvrashchenie rovnogo. M., 1995.
16. Khaidegger M. Nitsche. V 2-kh tt. SPb., 2006.
17. Shopengauer A. Sobr. soch. T. 6. M., 2011.
18. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. SPb., 1998.
19. Lowith K. Nietzsches Philosophie der ewigen Wiederkehr des Gleichen. Hamburg, 1978.
20. Schlechta Nietzsches grosser Mittag. Fr./M., 1954.